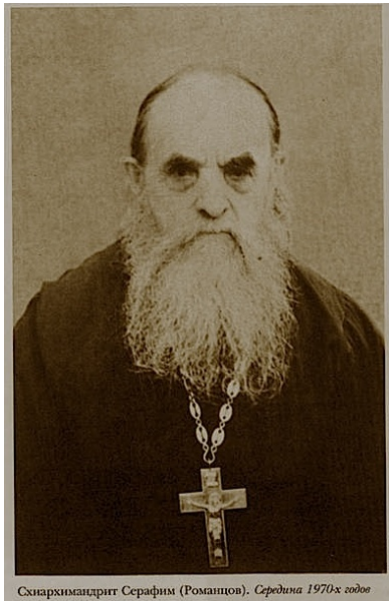

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОМАНЦОВ) († 1976)

Схиархимандрит Серафим (Романцов). Середина 1970-х годов

Такую фразу слышал каждый, кто переступал порог той Глинской пустыни, в которую в 50-60-тых годах минувшего века стремились многие со всех концов нашей необъятной Родины. Отец Серафим (Романцов) - духовник определял всех - где остановиться, чем помочь обители, если приезжали более, чем на 3 дня. Первые 3 дня можно было провести как душе угодно: молись, исповедуйся, посиди на ступеньках скрипучей лестницы в очереди к тому же о. Серафиму-духовнику, если надо что-то решить, посоветоваться.

Отец Серафим в Глинской пустыне с 1910 г. Разумеется, был перерыв его пребывания в пустыне, ведь пришлось пережить многое: войну, разорение обители, ссылку, скитания. Родился он в Курской губернии в деревне Воронок 28 июня 1885 г. в семье крестьянина Романа Романцова. В крещении дали имя Иоанн. Окончил церковно-приходскую школу и, похоронив родителей, пришел в

Глинскую пустынь. Когда началась Первая мировая война, его взяли в армию. В 1916 г. он был ранен, выздоровел и вернулся в Глинскую пустынь. О нем мало сведений сохранилось, только основные этапы известны. Иногда он кое-что рассказывал сам. Так, когда его послали работать на кухню, то, вместе с этим послушанием, благословили, как и каждого вновь поступившего, обращаться к старцу. Послушник походил-походил к этому старцу... и загрустил. Обижаться не на что,... но как быть? Смущение заметил другой послушник, с которыми были на кухне. "Ты что, Ваня, такой скучный стал?" Не утерпел Иоанн, рассказал ему о своей печали. Тот предложил ему сходить к его старцу. Просто пойти и послушать, и поговорить, если захочется. Очень понравился Иоанну старец. Такому бы всю душу наизнанку вывернул. Конечно, рассказал он о том, что беспокоит. Старец посоветовал: "пойди к своему старцу и расскажи все, как есть. Если он тебя с миром отпустит, приходи ко мне". Очень волновался Иоанн: вдруг обидится старец? Но тот просто сказал: "Такое бывает. Что же, раз душа не лежит, иди. Я хочу тебе только пользы. Иди с миром". Умели старцы беречь мир души - и своей, и ближних.

В 1919 г. постригли Иоанна с именем Ювеналий. Постригал его настоятель архимандрит Нектарий. Бушевала революция. Надо было успеть утвердиться в самом необходимом - учиться молиться. Смирения, терпения, послушания без молитвы не приобрести, но и молитве без таких добродетелей не научиться. Старцем его, как и у о. Андроника (Лукаша), стал иеромонах Аристоклий (Ветер), научивший его чистосердечному ежедневному исповеданию помыслов и внимательности ко всем движениям сердца. Впоследствии о. Серафим считал это внутреннее делание очень важным для духовного возрастания и спасения души.

В 1920 г. его рукоположили во иеродиакона. Рукополагал Владыка Павлин (Крошечкин). После закрытия Глинской пустыни надо было искать пристанище. Отец Ювеналий поехал в Сухуми, откуда можно было попасть в Драндский Успенский монастырь, еще существовавший. Монахи (часть которых перешла из закрытого Ново-Афонского монастыря) согласились представлять из монастыря сельскохозяйственную артель, чтобы продлить жизнь обители и так до 1928 г. уцелели, но в 1928 г. закрыли и этот монастырь. Некоторое время о. Серафим, которого епископ Никон рукоположил во иеромонаха и постриг в схиму с именем Серафим, провел в горах, живя с отшельниками.

Иногда, уже в старости, батюшка вспоминал отдельные эпизоды тех лет. Рассказывал, как жили вдвоем (кажется, с Владимиром), разделяя домашние дела и поочередно делая все нужное, не прекращая молитвы. Если кто-то замолкал, другой вполголоса начинал читать ее. Так жили в атмосфере мира и молитвы. "Горячая молитва, - говорил не раз много позже о. Серафим, - ограждала меня во всех трудных обстоятельствах моей жизни". Отшельников прогнали и с гор, разорив их жилища. Отец Серафим уехал в Алма-Ату и в 1930 г. и устроился

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОМАНЦОВ)

работать в окрестностях города сторожем на пасеке. В том же году его арестовали и выслали на строительство Беломорканала.

В 1934 г. о. Серафим попал в Киргизию, сначала в Токтогул, затем в Таш-Кумыр. Пробыл он там до 1946 г. Летом в горах устроил себе келью: нашел выступающий камень над родником, пристроил к нему плетеную хижину. Камень заменял стол, сиденье тоже получилось. Тишина, уединение... Можно молиться, читать, размышлять, ни о чем не заботиться. Кормили его жители окрестных селений. Он спускался к ним, чтобы вместе молиться, служил под воскресные и праздничные дни всюнощную. Отец Серафим видел, как нуждались люди в духовном окормлении, и старался, чаще всего ночами, служить, исповедовать, проповедовать Слово Божие. Зимой он жил у одной благочестивой семьи в пристройке (сделана она была так, чтобы не заметили ее за курятником). Там была печка, кровать и стол.

В 1946 г. он был уже в Ташкенте, мог открыто служить в кафедральном соборе. Видимо, там он узнал о том, что открылась Глинская пустынь и в 1947 г. вернулся в нее. Долговременный духовный опыт сразу же оказался востребованным и собравшейся братии и паломникам, все более мощным потоком, вливающимся в такие еще шаткие стены (кое-где был просто плетень) возрождающейся обители. Люди шли и ехали издалека, чтобы встретить у старцев внимание к своим бедам, сочувствие, совет, направление, наставление на путь истинный. И встречали все нужное! Отец Серафим полностью посвящал все свои силы, время, всю жизнь духовному окормлению братии и всем приезжающим. Отец Серафим мог своим отношением к каждому помочь открыть душу, не стесняясь, не боясь грозного вида, каким иногда встречал старец тех, кто искал чего угодно, но не спасения души. На исповеди же не оставалось ничего от его внешней строгости. Он многое видел на своем веку, удивить грехами его невозможно было. Он мог сострадать каждому, но и напоминал всегда о необходимой работе над собой, т.е. о борьбе со своими вредными привычками, самооправданием, лукавством, ленью, осуждением и др. Чтобы эта работа воспринималась, как правило, и распространялась на всех, о. Серафим сам выписывал и давал потом переписывать не один раз всем, кто мог писать грамотно и четко целые абзацы из поучений святителя Игнатия Брянчанинова, святителя Феофана Затворника, о. Иоанна Крондштатского и многих других. Потом о. Серафим подбирал нужное тому или другому, обратившемуся к нему письменно, несколько слов добавлял от себя и так старался помочь каждому. День его загружен был до предела. Редкие минуты его не просили, к нему не стучали, его не ждали на ступеньках скрипучей лестницы, ведущей в круглую его келью (она была в башне, разделенной на 2 этажа. Внизу жил о. Михаил). Иногда он заходил в кельи братии, притом всегда в самый нужный момент и как бы случайно исправил то, что требовало его вмешательства. Рассказывала одна паломница, как о. Серафим помешал ей чуть свет, а вернее даже до света (около 4-х часов утра) тайно покинуть обитель, куда она накануне только приехала. Ее обидел духовник, с которым она, в числе его провожавших, добралась с трудом до монастыря. Почти не спала, расстроенная, она вышла тихонько... и нечаянно встретила о. Серафима. "Ты куда?" Со слезами сказала она в своем решении уехать сейчас же. Он ее успокоил и, ободренная его вниманием и заботой, пошла она в храм. Там уже читали утренние молитвы. Подобных случаев много было, из них состояла вся жизнь. Их не записывали, им даже не удивлялись, их воспринимали как само собой разумеющееся. Не считал чем-то особенным такие "совпадения" или своевременные указания, кому-то крайне необходимые и сам старец. Он всегда помнил, что Господь через человека помогает обращающемуся к Нему, и свое служение воспринимал как естественное, необходимое исполнение воли Божией. Он не суетился, не раздражался, хотя попевал везде и всегда, когда надо. Он умел видя не видеть лишнее, бесполезно, т.е. пропускал без внимания все увиденное и услышанное, если оно не несло пользы душе. Он говорил коротко и ясно самое нужное. Например тому, кто переживал из-за необходимости многое делать из того, что никому не нужно (и все это знали), допустим, писать "липовые" отчеты о проделанной работе за год или придуманные проценты выполнения намеченного плана, о. Серафим сказал: "Твое от тебя не уйдет". Значит, уйдет это, допущенное как школа терпения, а настоящее, нужное - будет. И, вспоминая эту краткую фразу, человек успокаивался. Можно сюда же добавить и замеченный о. Рафаилом (Карелиным) вопрос одному монаху, возмущавшемуся бесстыдством современных

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОМАНЦОВ)

молодых людей, особенно девушек, когда тому пришлось быть в городе: "Ты давно вернулся? - Да вот 3 дня назад. - И ты все это помнишь?". Казалось бы, ничего особенного. И вопрос задан кому-то неведомому, и встречный вопрос - ответ на возмущение ничего особенного в себе не таит... И все-таки, его стоит вспомнить не только в подобной ситуации, но и во многих других обстоятельствах, когда требуется силой воли, а лучше молитвой, отвергнуть назойливое впечатление. Отец Серафим очень не любил "благочестивого пустословия", когда хорошие и нужные слова, как "спаси вас (или тебя), Господи", "простите", "благословите" и т.п. говорилось без меры и смысла. Даже тогда, когда можно и нужно было сделать замечание, он говорил спокойно и мягко, если видел смущение и раскаяние. Вряд ли кто мог бы вспомнить, чтобы о. Серафим был недовольным, подавленным. Всегда ровный, внимательный (только в исключительных случаях грозный, если была в этом необходимость), он никогда не создавал дистанции, не подчеркивал своего сана, положения. Когда надо было ему ехать в Москву по делам, он одевал плащ, предварительно подвернув полы рясы. Пользовался обычным городским транспортом, не выражая желаний вызвать такси или отвезти его на машине. В электричке, например, сядет где-нибудь в уголок, если уступит кто место старичку, похожему на пасечника, наклонит голову, делая вид, что дремлет, и живет своим. Если намеревался о. Серафим посетить знакомых, то останавливался обычно в незаметных комнатках, где попроще, говорил, кого позвать. Обычно он не говорил бесед, а отвечал на вопросы, какие задавали собравшиеся. Если чего-то не знал (из событий церковной жизни), то спрашивал, не стесняясь признать, что знать надо, потому что спрашивают, но совершенно спокойно это говорил. Умел о. Серафим дать простой и выполнимый совет, учитывая обстановку, в которой живет и трудится человек. Так одна медсестра выразила ему сожаление, что не может вставать ночью на молитву, потому что работала в смену (были ночные дежурства), и по слабости здоровья. Отец Серафим сказал: "Когда надо вставать ночью, прочитай несколько кратких молитв и ложись спать. Не смущайся, Бог свыше сил ничего не требует". Бывало и так, что человек только подумает - спросить у батюшки благословения поехать (в паломничество) или оставить все на волю Божию - батюшка вдруг спрашивает: "А ты хотела бы поехать (именно туда, куда и думалось)? Теперь скажут - он прозорлив, а тогда, когда такое на каждом шагу было, принималось как так и надо. Можно было не спрашивать, не обдумывать заранее, не тратить время зря и не расплывать внимание на второстепенное, учиться главное видеть перед собой, уметь "ходить перед Богом". Этому старцы учили примером. Даже те, кто получали письма о. Серафима, перечитывали знакомые тексты (кто уже раньше читал творения святых отцов и наставления отечественных подвижников), с особым вниманием относились к этим выпискам уже потому, что о. Серафим обновлял их примером своего благоговения и усердия. Те, кто бывал в Глинской пустыне не могли не знать о. Серафима, даже если не исповедовались у него, не искали совета, ни о чем не спрашивали. Он организовал всю внешнюю жизнь монастыря, особенно то, что касалось паломников. Внутреннюю жизнь обители, которая могла быть незнакома приезжим, держали три "столпа" - совет старцев, в который входили о. настоятель архимандрит Серафим (Амелин) (в то время единственный архимандрит), о. Серафим (Романцов) и о. Андроник (Лукаш).

Те, кто узнали о Глинской пустыне уже после вторичного закрытия, могут представить себе о. Серафима-духовника по письмам, которые хранят все, кому они дороги. Часть их опубликовали, возможно, она со временем пополнится и теми, которые еще неизвестны читателям. Ничего своего, нового, оригинального, что могло бы как-то подчеркнуть его индивидуальность, отличного от писаний святых отцов, о. Серафим в письмах не наставлял. Наоборот - только польза душевная, а если человек может понять, то и духовная в центре его внимания, его заботы. Почти нигде ничего о себе, никаких жалоб на усталость, нездоровье, личные переживания, а ведь они были, только никогда не ставились на вид, в центр. Для о. Серафима в письмах основное - помочь душе обратившегося.

В своих письмах старец говорил о необходимости смиряться, ибо "без смирения нет спасения". А в наше время о смирении можно услышать неверное мнение. Будто в том оно, чтобы себя или другого ("для смирения") втоптать в грязь, топить в помойке реальных или выдуманных ошибок или грехов (особенно в отношениях с ближними), отчего скорее придешь в уныние. Нужно приучить себя помнить, что Господь каждого почтил своим образом и

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОМАНЦОВ)

научиться беречь его чистоту в себе и помочь в этом ближнему - вот в чем смирение, забывающее о себе совершенно. Как к этому прийти? Отец Серафим в письмах не раз призывал учиться принимать все скорбное без возмущения, раздражения, ропота, уныния, чувства безысходности. Без скорбей никто не живет, но как кто к ним относится - от этого многое зависит в духовной жизни. Жалуясь на трудности, мы забываем, что более всех и всего вредим себе сами. Чем? - Многословием, пустословием, рассеянностью, небрежностью, забвением о своем спасении, ленью и многими другими недостатками. Из-за них теряется доверие Богу, растет желание доказать себе и другим свою значимость, требовать себе внимание и почтение, находя тысячи причин к самооправданию. Как врачевать в себе эти недуги, и как старцу помогать таким, кто формально соблюдает все необходимое, но не может успокоиться, не чувствуя в душе мира, испытывая лишь глухую неудовлетворенность? Отец Серафим не зря посылал выписки из творений святых отцов. Не случайно, и не только по традиции в Глинской пустыни так часто обращались к чтению святоотеческих творений. Слушая их наставления и предостережения, видишь как в зеркале свои недостатки и немощи. Тут уж нечем превозноситься! Святые отцы помогут понять, что все у нас, у каждого - от Бога, а свое - желание сбересть, не растерять данное и даже умножить по заповеди Божией! Потому и старцы были смиренны. Кто сокрушается, что теперь нет старцев, какие были прежде, тем о. Серафим напоминает, что прежним старцам было открыто, что нашему времени оставлены скорби и болезни вместо старцев. Их у всех много. Важно только отнестись к этому благоразумно, т.е. увидеть в этом направляющую ко спасению руку Божию. Господь для каждого подбирает такие жизненные обстоятельства, которые именно теперь ему полезны. Это повторял почти каждому в своих письмах о. Серафим. В этом, т.е. во внутреннем согласии принимать без возмущения и недовольства все, что Господь допускает, старец видел возможное в любых обстоятельствах послушание воле Божией. Такое понимание обогащает давно всем известное, и для желающих драгоценное, указание на послушание как на необходимую христианскую добродетель. Чтобы это утвердить в сознании всех, кто будет читать письма о. Серафима (а он иногда в конце подписывал: "давайте читать всем"), он напоминал, что Господь устраивает все в нашей жизни, учитывая наши желания, склонности, способности. Иногда не сразу получается так, но со временем совершенно ясно каждому, что смирившись даже с непонятным пока, человек "вкушает мир" души. Неприятности же, принятые с доверием Богу, учат терпению и ведут к радости духовной. Но радоваться может лишь благодарная душа. И о благодарении Богу в письмах можно найти напоминания. Приходилось о. Серафиму об этом говорить часто и многим, потому что мы очень рассеянны и невнимательны. К сожалению, это относится к тому, что касается серьезной духовной настроенности. Когда же речь идет о себе, о своих обидах, недовольстве, мелочных разборках в совместной жизни и других огорчениях, тут оторвать внимание от себя бывает нелегко. В таких случаях о. Серафим предлагает решительно взяться за себя и не оправдываться, не винить обстоятельства или кого-то из близких и дальних, а видеть свою немощь, каяться, оставляя других суду их совести и Богу. Говорить о том, чего касается о. Серафим в своих письмах, можно много, но лучше их прочитать, возвращаясь не раз к тому, что писал старец, личным духовным опытом делясь с каждым, кто искал его совета и наставления. Внешне его жизнь не богата яркими событиями. В основном все дни проходили в работе и заботе о многочисленных паломниках. Он сам говорил, что "у нас нет ни святынь особенных - икон чудотворных, святых мощей - а вот едут..." Знал, что едут душу очистить покаянием, наставление получить, помощь Божию ощутить через отношение старцев.

Поток приезжающих ширился, а над обителью снова нависли грозные тучи. Хрущевская "оттепель" сменился явным стремлением покончить с Церковью. Повод при желании всегда найдется. В 1961 г. Глинскую пустынь снова закрыли. Правда, никого не сажали в тюрьмы, просто разогнали. Предстояло каждому искать себе место. Отец Серафим поехал в знакомые края, в Грузию. Там, в Сухуми, он мог в соборе помогать местным священникам: исповедовал чаще всего, сослужил иногда, делал все, что скажут охотно, просто, незаметно. К нему на исповедь приходило все больше и больше людей, многие приезжали издалека, как только узнали, где он. И здесь, как прежде в Глинской пустыне он хлопотал, устраивая каждого к кому-то из местных под крышу, даже организуя паломничества по святым местам древней Иверии, большей частью уже забытым самими местными жителями. Пока были

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОМАНЦОВ)

силы, ездил сам (направлял в монастырь прп. Шио Мгвимского, в Сигнахи, где скончалась и похоронена святая равноапостольная Нина, в Комане, где почти разваливался храм на месте кончины святого Иоанна Златоустого, на Иверскую гору и др.), позже благословлял проводить кого-либо из знающих дорогу к святыням. Естественно, к о. Серафиму потянулись и монахи закрытой Глинской пустыни. Кто в миру невольно заражался пропитавшим все духом гордыни, подогреваемым сознанием собственной исключительности (как же - гонимый монах закрытой обители!), с тем о. Серафим на исповеди был строг. Однако строгость вызывала не страх, не чувство подавленности или обиды на непонимание, а отрезвление. Понимал человек опасность такого самомнения, каялся - и старец тут же смягчался, радовался, что тот понял и намерен следить за собой. Кто, особенно из молодых, рвался к подвигам, старец удерживал от неразумной горячности, ревности не по разуму, указывая на более надежные добродетели - терпение, смирение, послушание. Особенно предостерегал от всевозможных видений, откровений, явлений и т.п., тешащих самолюбие и как бы подчеркивающих духовную высоту и исключительность. В отрыве от серьезной духовной школы, от обстановки реальной духовной борьбы со страстями особенно рьяно неопытные жаждут подтверждения "свыше" и могут вместо "благодатных озарений" нажить очень серьезную духовную болезнь (прелесть - как называют ее аскеты, т.е. обман, который наша гордость не позволяет узнать) и кончить психическим расстройством.

Тем, кто просил благословения читать Иисусову молитву, старец благословлял, напоминая, что в ней главное - чувство покаяния. Начинать же ее читать, как и всякую другую, следует, внимая словам молитвы, не увлекаясь количеством и, тем более, не прибегая к искусственным приемам. Если человек не был склонен бороться с гордостью, считая ее своим достоинством, то старец советовал начинать с молитвы мытаря, приучать себя к сознанию необходимости покаяния. Это сознание не ограничивается только признанием за собой когда-либо допущенных грехов, в которых человек каялся, оно включает в себя понимание своей греховности, которое по милости Божией механически исчезает даже у подвижников. Потому покаянное состояние святые отцы считали нормальным. Это не приводит к унынию, так как кающийся всегда опытно знает, что Господь его прощает и минует. Покаяние, смирение, терпение, внимание... и все - с молитвой. Эти темы у о. Серафима не просто повторяются, они наполняют все его поучения. Кто не заботится об этом, тот попадает в пучину "бестолкового немирствия".

Относился о. Серафим ко всем по-разному, смотря по настроенности, учитывая обстановку, условия, возраст, физические силы. Кто любил читать каноны и акафисты, о. Серафим не ломал своим советом привычки и расположения, кто мог молиться в уединении и старался вычитывать пятисотницу, чтобы приобрести навык к Иисусовой молитве, о. Серафим благословлял, учитывая условия и настроенность. Где мог, особенно в странствиях своих, он старался служить вечерню, утреню... все, что можно. При этом присутствующие в самой обыденной обстановке не могли не отметить такого спокойствия, умиротворенности, внутренней тишины, которые обычную хатку или квартирку в городе превращали в храм Божий. Его простота, искренность, ясность, желание помочь каждому, кто просил совета и наставления, удивляли многих. Помогал он и тем, кто нуждался материально, посылая через доверенных, умеющих молчать людей, продукты и деньги в забытые местными жителями монастыри. Как ни бодрился о. Серафим, как ни старался не обращать внимания на свои недуги и немощи, но годы трудов, лишений, переживаний не могли не сказаться на его здоровье, да и возраст напоминал о предстоящем переходе в вечность. Старцу шел уже 90-й год. Митрополит Сухумский Илия (позже ставший патриархом Грузии Илией II) возвел о. Серафима в сан архимандрита (до этого в 1960 г. патриарх Алексей I возвел старца в сан игумена). До конца дней о. Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума. В декабре 1975 г. во время всенощной о. Серафим почувствовал себя плохо, пришлось лечь. Все время (это 2 недели) старец читал вслух молитву Иисусову, причащаясь ежедневно Святых Христовых Тайн. Когда уставал, просил читать других. В полном сознании видел многих собратий по духу, которые пели стихиру Божией Матери "Совет преевечный", затем и он запел слабеющим голосом: "Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуиа". После видения сказал: "О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько,

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (РОМАНЦОВ)

что не могу ее даже вместить". Последние его слова: "Теперь я буду умирать". 31 декабря старец закрыл глаза и больше уже ничего не говорил, ни на что не реагировал. 1-ого января 1976 г. он мирно скончался. Похоронили его на Михайловском кладбище г. Сухуми. Теперь душа его "во благих", успокоилась от трудов своих, но окончательное ее умиротворение и радость придет тогда, когда многие, вспоминая сказанное, написанное им в назидании, научатся жить по заповедям Божиим, а те, кто не могли знать его, найдут в его примере, его научении для себя ориентиры в жизни, особенно трудной в духовном отношении теперь. С Богом нет невозвратных потерь, и обращение к образу о. Серафима может помочь многим желающим знать верный путь спасения, тем более, что он, как и другие старцы Глинской пустыни жил в не менее трудное время, сравнительно недавнее, знал и пережил сам многое и, "быв искушен, может и искушаемым помощи". "

Цитируется по книге:

Жизнеописание Глинских старцев: схиархимандрита Серафима (Романцова), схиархимандрита Андроника (Лукаша), схимитрополита Серафима (Мажуги).

Издание Глинской пустыни. 2010 г.